

Екатерина Пименова

Одесские коллекции. Семен Верник

– Семен Евгеньевич, как у вас все начиналось? Когда вы поняли, что хотите стать коллекционером?

– Во-первых, я никогда не хотел стать коллекционером живописи. Я начинал с коллекций марок, спичечных коробков. Это было просто увлечение, наша тусовка – Женя Суслов, Игорь Пашков, Хрущ, Сычев, другие художники – это просто общение, молодежь, тусовки, вино, песни. Появились рисунки. Потом, когда возникли квартирные выставки Суслова, Глузмана, оно тогда начало приковывать взгляд. Мне захотелось тоже что-то иметь дома. Это не было какой-то страстью, не было планов создать коллекцию живописи. Потом уже как-то выстроилось, выкристаллизовалось. Были случайные работы, которые мне ну очень нравились, – работы Хруща, Стрельникова; маленькие работы Хруща, большие работы Хруща, потом Сычев, Рахманин – просто покупки, которые доставляли удовольствие, а потом они уже начали складываться в коллекцию. Я понял, что мне хотелось иметь, но только собрание художников этой эпохи, этого времени – моих современников и моих друзей.

– А сколько примерно работ насчитывает сейчас ваша коллекция?

– Никогда не считал, но думаю, что больше ста – это точно. Я не собираю количество, я собираю качество. Никогда не ставился целью пересчитать работы.

– Самыми первыми ласточками были работы Игоря Божко?

– Да, это были именно работы Игоря Божко. Я очень люблю Игоря, он мне очень нравится как человек. Мне нравится его острый саркастический ум – еще в молодости он был искрометный; он прекрасно пел. И потом появились эти рисунки, появилось что-то еще. Не могу сказать, что мне разонравились его работы, но затем появились Хрущ, Стрельников, которые настолько завладели мной, что все остальное отодвинулось на второй план. Также и Рахманин.

– В какой момент вы поняли, что это не просто симпатия, а что-то большее, а именно – что вы на этом пути?

– Наверное, это было в середине 70-х. Началось в конце 60-х, покупались какие-то работы, были споры в семье по поводу этих работ, мои близкие – люди старой формации, не понимали, что я приношу в дом, но постепенно успокоились.

– Ваша супруга когда-то сказала о том, что у вас талант распознавать будущих гениев. Как вы это можете прокомментировать?

– Никак. Просто интуиция. Авторы работ малоизвестных художников, которые я покупал, стали большими мастерами. Спасибо моим родителям, которые были очень простыми людьми, хотя и из интеллигенции: они любили музыку, возили меня на концерты, водили в музеи. Первый детский эмоциональный шок я получил, когда попал в Эрмитаже на третий этаж и увидел работы импрессионистов. Я никогда в жизни такого не видел, и меня поразило буйство красок. Это осталось у меня внутри. Потом папа, когда заметил, что мне это нравится, начал ездить в Румынию, привозить мне альбомы. Помню Пикассо, Сезанна, Модильяни. Когда я был мальчиком, влюбился в этого художника, Модильяни.

– Они у вас сохранились?

– Сохранились, конечно.

- Что является жемчужиной вашей коллекции? Чем вы гордитесь? В любом случае вы упоминаете того же Стрельникова...

- Жемчужины, если выделить пять пальцев на одной руке, – это работы Стрельникова: «Игра в мяч», вторая – его же «Город»; Хрущ – «Стенка»; Сычева работа «Портрет Риты», Ануфриева – вот и пять пальцев. Но если больше – то можно все перечислить!

- Были ли какие-то неожиданные случаи в ваших взаимоотношениях с художниками? Желание что-то приобрести, может, истории какие-то необычные, развороты непредсказуемые?

- Были споры с другими коллекционерами... Неохота называть имена. Вот такие эмоции, которые приводили к разрыву отношений на долгие годы. Такие кипели страсти, когда хотели одну и ту же работу! Возникали серьезные идеологические разногласия. Как я понимаю на сегодняшний день, это было глупо, но обе стороны были упрямы до невозможности. Кто-то когда-то в любом случае делал шаг навстречу. Проходили годы, все это стиралось.

- А было такое, что несли по улице работу – и потеряли?

- Наверное, не было. Единственный казус – это у меня был автопортрет Игоря Божко, который я очень ценил. И я не понимаю, куда он делся, потому что это была большая работа, мы переезжали с квартиры на квартиру, и для меня это была огромная потеря. Игорь спрашивал меня, куда делся автопортрет. У меня не может быть такого, чтобы что-то потерялось.

- Вы рассказывали однажды, что ваши дети выменяли статуэтки...

- Это были деревяшки Хруща, я их обожал. У меня их было очень много, потому что Валик их делал целыми днями, он их или дарил, или продавал за копейки. Они стояли на пианино, на книжных полках, я даже не обращал внимания. Потом их стало меньше. Дети сказали, что проиграли их в фантики. На старой квартире были завешены стены, и какие-то рабо-

Работы из коллекции
Семена Верника

ты за смешные копейки я начал продавать. Потом проходили годы, и я понимал: что же я наделал! Приходилось находить человека, которому продал работы, и за совершенно другие деньги покупать это все обратно. Одну работу Хруща я до сих пор выкупить не могу.

– Как вы переживаете это чувство удовлетворения: взяли, принесли – и она ваша?

– Это страсть коллекционера, это чувство, как Женя (Евгений Голубовский. – Е. П.) писал, «эстетического сопротивления» или, наоборот, эстетического наслаждения. Это настоящий праздник. Конечно, такое ни с чем не сравнить. Да, много работ, которые вызывают страсть коллекционера, которые трудно найти.

– Бывают ли такие случаи, когда оказывается, что какая-то работа – не подлинник?

– У меня были случаи, когда в коллекцию вместо подлинника попадала авторская копия. У Рахманина появился покупатель из Германии, который на фото увидел работу и захотел купить. Рахманину пришлось делать копию для немца. У меня в коллекции нет ни одной работы, в подлинности которой были бы сомнения.

– Кто из коллекционеров интересен вам? С кем вы сравниваете себя, с кем дружите?

– Во-первых, покойный Лущик был блестящий коллекционер. Потрясающая коллекция была у Жени Сулова. Я нашел его вторую жену после его смерти, попросил ее позвонить мне, если она захочет что-то продавать. Она дружила с Игорем Божко. Я у них спрашивал, что осталось, они ничего не знали. У Славика Выродова безупречный вкус, великолепная коллекция. У Жени Голубовского замечательная коллекция. У Феликса (Кохрихта. – Е. П.) замечательная коллекция.

Михаил Кнобель был, меценат, я ему благодарен за то, что он сделал для художников, для популяризации живописи, но у него не было цельной коллекции. Музей современного искусства благодаря Вадиму Мороховскому докупил работы, и они остались в городе.

– Актуально ли сейчас в Украине коллекционирование?

– Это актуально везде и во все времена. Меценаты, которые покупают работы художников, делают огромное дело. Если ребенок растет среди искусства, у него развиваются вкус и система ценностей.

– О чем вы мечтаете в отношении своей коллекции?

– О приобретении классных работ художников моей эпохи (60-80-х) и о чем-то из работ, которые меня зажгут (Стрельников, Рахманин, Хрущ, а также Кожухарь). Люблю работы, в которых есть живопись и нет литературы. Я считаю одесскую школу живописи одной из лучших на постсоветском пространстве.

– Как вы думаете, будет ли ваша коллекция отображать тенденции в современном искусстве?

– Я считаю, что это значимая коллекция для Одессы. Здесь собраны лучшие работы художников той эпохи. Одесская художественная школа – это самая сильная школа в постсоветскую эпоху.

– Каково возможное будущее вашего собрания?

– Во-первых, у меня есть сын, который увлекся этим делом. У него своя коллекция.

– Думали ли вы открыть музей?

– Пусть он думает. Я с этой коллекцией расстаться не смогу.

